

МОДЕРНИЗАЦИЯ АРХАИКИ

Барышков Владимир Петрович, доктор философских наук, профессор

Саратовский государственный университет
410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Астраханская, 83
E-mail: vladipetr@mail.ru

Доминирующим фактором общественно-политических процессов в новейшей российской истории выступают культурные устои традиционного характера. Несмелые попытки власти в 1960-е гг. прошлого века модернизировать общество не имели и не могли иметь успеха в силу неукоренности западных идеологий и позитивистских установок в традиционном народном сознании. Четыре основных элемента традиционной российской ментальности – утопизм, здравомыслие, бунтарство, страстотерпие – попеременно воплощаются в институциональных формах социальной организации, образуя защитные пояса устойчивого ядра русской системы и соперничая в своей приспособляемости к цивилизационным вызовам.

Ключевые слова: политико-культурный контекст, модернизация, архаика, время, вечность, Россия, менталитет, историческое сознание, власть и народ, элементы народного сознания

MODERNIZATION of the ARCHAIC

Baryshkov Vladimir P.
D.Sc. (Philosophy), Professor
Saratov State University
83 Astrakhanskaya st., Saratov, 410012, Russian Federation
E-mail: vladipetr@mail.ru

The dominant factor in the socio-political processes in modern Russian history are traditional cultural attitudes. Attempts by authorities in the 1960-s of the last century, modernize the society did not have and could not succeed because of the bezosnovnosti of the Western influenced units and ideologems popular consciousness. Four major levels of traditional Russian mentality, utopizm, sanity, rebelliousness, strastoterpie, alternately translated into institutional forms of social organization, forming a protective belt of sustainable system and Russian engine competing in its adaptability to the civilizational challenge.

Keywords: political-cultural context, modernization, archaic, time, eternity, Russia, historic consciousness, mentality, power and people, elements of the Consciousnesses.

Желание понять себя во времени есть исток многих научных, литературно-художественных, публицистических изысканий. Время предстает как сбытие времени, событие времени. Время предмета может не сбыться (в выражении: быть не ко времени; «хороша ложка к обеду», «дорого яичко к Христову дню). Можно быть, но в чужом времени, вне своего времени (в выражении: «сегодня не ваш день»). Существенным представляется выяснить характеристики российской цивилизации в подобном, временном, отношении. Пришло, прошло или, возможно, когда-то наступит ее время. Кардинально противоположным будет утверждение, что Россия - на все времена.

Тема политико-культурного контекста постсоветской (в том числе – демократической) модернизации возвращает нас к значению обновления для «вечной» и «вечно молодой» российской цивилизации. Россия молодая - парадоксальная тема обновления вечности. В этой теме допустимы несколько аспектов. «Проклятые» вопросы русской жизни есть ее вечные вопросы. Это - один аспект вечности России. Другой аспект темы воплощен в антропософской перспективе. Третий аспект есть реализа-

ция субстанциональной позиции - только через «вечное» познается суть России (Евразии) как самостоятельной духовной субстанции, отличной как от Запада, так и от Востока.

Существует, как представляется, два вопроса, которые могут в этой связи быть поставлены: «возможна ли модернизация в России?» и «возможна ли модернизация России?». Это разные вопросы. Ответы тоже разные. Модернизации в России имели место. Об этом свидетельствует история. Но изменялась ли Россия под их влиянием? Ответ не очевиден. В общественном мнении различие этих вопросов осознается уже вполне отчетливо. Известный кинорежиссер А. Кончаловский замечает: «Не первый век русские властители пытаются "модернизировать" наш народ, и ничего не получается! Какие-то мистические препятствия стоят на пути развития нашей страны» [5].

Первоначально - несколько замечаний о мистическом характере препятствий на пути развития России. Путь страны не всегда есть ее развитие. Путь может пониматься как судьба, неизменная цельность существования. Судьба совпадает с сохранением цельности. Если же такая цельность нарушается, можно допустить возникновение новой цельности, но уже иной. Существование России как цельности определяется не трансформируемой ментальностью. Разумеется, эта ментальность некогда возникла, вернее, возникала, формируясь на протяжении ряда исторических эпох. В этом процессе присутствовал доминирующий вектор – тесная связь с природными циклами земледельческой цивилизации. Так формировался дух нации. Вновь возникающие факторы общественного развития мало затрагивали крестьянский мир, в значительной мере живущий по натуральным, природным основаниям. Когда нарушались границы крестьянского мира, он выливался вовне, затапливая островки неокрепших, часто заемных новаций.

Что за мистические препятствия стояли на пути России, и препятствия ли это? Мистика и магия русской истории – особая тема. Мистика, таинственность, тайна заколдовывают прошлое – «там чудеса, там леший бродит». Сказочность (страшные сказки) русской истории делают настоящее более объемным, буквально неподъемным для понимания, если представить за ним багаж «бабушкиных сказов», запечатленных еще детским сознанием. Магия – то же самое колдовство. Если мистика завораживает, то магия притягивает. Они пленяют. В этом отношении русские – очарованные пленники своей истории, точнее, пленники своего исторического сознания. Невольные, как бы естественные пленники. Следует согласиться с тем, что «историческое сознание формируется психоэмоциональными флюидами» [3].

Достаточно некоему автору упомянуть о «мистических препятствиях» перед русскими, как поднимаются в дремавших душах Илья Муромец, Алеша Попович, Добрыня Никитич и борются с силами темными, стремящимися сжить со света Ивана да Марью. Мистика и магия – формы всегда современной российской архаики (неоархаики). Здесь будут неуместны новейшие продукты рациональной сказочности о Гарри Поттере, которые предстают фантастическими конструкциями резвящегося воображения. У нас все серьезнее: меч-кладенец из седой старины, сродни бронепоезду на запасном пути, всегда готов к сече с супостатами.

В какой мере сегодня подвижно общественное сознание? Представитель национальной культурной элиты, Б. Стругацкий, считает, что практически ничто не может сейчас разбудить активность населения. Народ, - пишет он, - смирен и смиренномудр, и чтобы расшевелить его по-настоящему, нужны особые обстоятельства. «Истинный ужас, полагает он, — превращение народа в социальный шлак. Но этот вопрос никогда не обсуждался сколько-нибудь широко, поскольку «народ у нас вечен, неприкосновенен и всегда прав» [1].

Сколько-нибудь глубоко тема субъектности народа, действительно, не обсуждается. Способен ли народ быть активным элементом в собственном существовании? И, если способен, - в чем такая способность состоит? Пока что субъектность в публичной российской реальности относится на чей-либо счет. До сих пор преимущест-

венно ставится вопрос об ответственности русской власти в истории и современности, а не об ответственности народа за такую власть и такую историю. Укрепилось убеждение об оппозиции народа и антинародной власти. Убеждение это ложное. Совершенно напрасно мы категорично отказываемся от максимы «каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает». По этому поводу тлеет, то разгораясь, то затухая, конфликт - яростно-эмоциональное, обыденно-бытовое (теперь и в интернете) обсуждение темы.

Толкование приведенного высказывания о власти и народе совсем не обязательно имеет уничижительный смысл для народа, который не может контролировать свое правительство. Можно понять и так, что всякое правительство достойно своего народа. Правительство и народ в этом случае составляют целое. Народ отвечает за свое правительство, - писал И. Ильин, - органически связан со своим правительством, **если он сам находится «в здравом уме и твердой памяти» и если он его свободно избрал**, а не получил в порядке завоевания, вторжения, оккупации, бессовестного **политического обмана**, антинационального подавления, интернационального засилья и революционного террора [4].

Правительства есть институциональная форма власти. Так же, как говорят сегодня: армия, или полиция, есть продолжение народа, или что то же, часть общества. Власть может быть волеизъявлением и волевоплощением народа. Русская власть есть волевоплощение народа. В. Ю. Сурков отмечает: «наша политическая система идёт в ногу с обществом, она является его частью, ведь все институты мы имеем в наших головах. Мы имеем в России такую политическую систему, которая отражает состояние менталитета и души российского народа» [6].

В настоящее время Россия, как цивилизация, еще не утратила энергии, пассионарности, которая позволяет ей поддерживать гомеостаз. Энергия эта исходно была заключена в крестьянстве как главном элементе русского социального мира, которому пытались сломать хребет в ходе большевистской модернизации (Ленин, Троцкий, Сталин). Но дух остался живым. Он мигрировал, просочился, диффузно рассеялся во многих формах и на разных этажах национальной жизни. Ю. Н. Афанасьев полагает, что на момент революции 1917 г. «культурный слой» был представлен, довольно продвинутой социальной дифференциацией: не только крестьянами, но и ремесленниками, торговцами, рабочими, людьми свободных профессий. «У каждого из них, - подчеркивает он, - был свой собственный исторически транслируемый диалог с землей, свой особенный ментальный и нравственный Космос» [2]. Как представляется, крестьянский космос всё же доминировал.

Сознание российского крестьянина - общинное. Общинно-крестьянское - это стихийное, дионисийское, по преимуществу языческое начало, которое преобладало в русской жизни. Оно отражало жизненный уклад и строй, из которого люди вышли, в котором жили. Некоторые проявления такого положения дел уже в середине 60-х годов XX в. характеризует Т. Л. Рыбальченко: «Архаическая мифологизация реальности, хранимая коллективной народной памятью, поставляет образ должного, универсального, сакрального и оставляет его абсолютном для оценки реальности» [7].

Транслятором внутридуховных национальных процессов в это время выступает советская, прежде всего творческая, интеллигенция. Творчество писателей, кинематографистов, театральных деятелей становится лакмусовой бумагой, проявляющихся ментальных состояний, рожденных из «архаической мифологизации реальности», которые попеременно выходят на общественную и политическую арену. Социальные слои советского общества маркировались отныне в среде людей посвященных, причастных духовному ристалищу, не по классовым основаниям, а по принадлежности к определенным потокам национального самосознания. Волна традиционного сознания уже поднялась над остатками заемной псевдо западной пролетарски-интернациональной идеологии, которая испытала некоторое обновление в партийно-государственной среде после XX (1956 г.) съезда.

Происходящее было не столько борьбой между «почвенниками» и «западниками», сколько формой противостояния различных потоков именно в традиционном сознании. «Два полюса народного сознания очерчены в отечественной художественной литературе середины XX в. С одной стороны, народ – хранитель трезвого, неиллюзорного восприятия мира, что обусловлено укладом крестьянской жизни – универсальность труда на земле, участие в природном жизнестроении, очевидность последствий и результатов любого жизненного акта. В таком понимании народное сознание становилось аргументом в споре писателей-традиционалистов с официальными утопическими социальными идеями 1960-х гг. Но одновременно народное сознание само порождало социальные иллюзии и потому могло быть опорой социального утопизма; в таком случае оно подвергалось критике и отрицанию со стороны либеральной, позитивистской части общества» [7].

Здесь представлены три составляющие народного сознания – здравомыслие; утопизм; и либерально-позитивистская критика утопизма как архаики. Замечательно, что различается официальный (утопические идеи власти) и социальный утопизм (иллюзорность народного сознания). Здравомыслие в духе народа, которое пытались акцентировать писатели-традиционалисты, таким образом, противостояло утопизму в самом этом сознании. «Деревенщики» пытались остепенить ретивых сторонников очередного рывка к лучезарным горизонтам.

«Хрущевский период» был прорывом к власти и во власть «светлого» утопического сознания с его простыми, очевидными ценностями. Эта властная волна прошла по поверхности социальной толщи, совсем недавно воплощенной в мрачном утопизме большевистски-сталинского толка.

Светлый утопизм был символически выражен в зернах кукурузы, как каплях солнца. Представляется, что экономический эффект от распространения новой сельскохозяйственной культуры имел подчиненное значение по сравнению с ее символической значимостью. С провозглашаемой простотой народного идеала связана острая реакция тогдашнего национального лидера на эстетические изыски художественно-богемной среды. Специфика художественного мировидения вносила сумятицу в непосредственность желаемого образа будущего.

Критика представленного во власти утопического тренда как светлого (авантюризм), так и мрачного (тоталитаризм) тонов осуществлялась либеральной, позитивистской частью общества, которая подняла знамя демократических перемен. В действительности эта критика была маргинальной. Наиболее рельефно выраженная в дисидентском движении, она была чудачеством, легким недоразумением в представлении широких слоев, руководствовавшихся общинным, архаическим сознанием, его утопизмом и здравомыслием.

Научно-техническая составляющая советского общества (в экономике и промышленности) имела почти исключительно служебно-военную направленность. Соответствующая генерация людей носила характер «новых рабов». Прообразом научно-технических коллективов стали бериевские шарашки, оформившиеся в закрытые города-резервации («почтовые ящики») с привилегированным снабжением, бытовым обслуживанием, режимным въездом-выездом.

Подспудно ощущая социальную неполноценность, эта часть общества пыталась компенсироваться позиционированием некоей новационной лидерской роли, которой у нее быть не могло. Сознание научно-технической интеллигенции, неукорененное в традиции, оформлялось в романтически-сентиментальных явлениях культуры: бардовских песнях, альпинистских восхождениях, скептическом остроумии-острословии, поэтических концертах. В кинематографе это культурное движение заявило о себе в драме «Еще раз про любовь» (реж. Г. Натансон, 1968), герой А. Лазарева (физик Евокимов); киноповести «Вертикаль» (реж. С. Говорухин, Б. Дуров, 1967); в комедии «Три плюс два» (реж. Г. Оганесян, 1963). В литературе - в книгах Даниила Гранина.

Помимо утопизма и здравомыслия как исконных элементов народного сознания, назовем бунтарство (русский анархизм как его форма), и, главное, страстотерпие, как смиренно-безропотное принятие тягот и лишений. Они также нашли отражение в литературном процессе того времени. Видно это из сравнения двух позиций (творческих и мировоззренческих) писателей-лагерников – А.И. Солженицына и В.Т. Шаламова. Бунтарство (законспирированное) Солженицына отразилось, в частности, в названии и содержании мемуарной книги «Бодался теленок с дубом». Страстотерпие Шаламова определенно прочитывается в его стихах («Сольвейг») [8]:

И только плеть воспоминаний
Бьет по спине,
Чтобы огни былых страданий
Светили мне.
Навстречу новым унижениям
Смелей идти,
Ростки надежд, ростки сомнений
Сметя с пути.

Таким образом, в содержание русского традиционного менталитета (русской архаики) включаются утопизм, здравомыслие, бунтарство и страстотерпие как преобладающие и определяющие структурные элементы русской духовной системы. Их все можно отнести к почве, более того к корневищу русской жизни. Они, как тектонические плиты, перемещаются попеременно то к поверхности российской общественной и политической действительности, наполняя её по существу, то уходят вглубь, а то сталкиваются, порождая разломы коры и вулканические выбросы, кратеры и пустоты.

Западники, как сторонники российской модернизации, стремились опереться на импортируемые образцы европейской и американской цивилизаций. Пробы до сих пор не удалась. Революционная попытка западной модернизации (если таковая вообще могла иметь место в XX в.) выродилась в национал-большевистский режим под влиянием латентных архаических трансформаций. В 1960-е гг. исконные духовные потоки уже прямо вынудили колеблющуюся власть искать компромиссов, уступая позицию за позицией. То, что до сих пор называется властью КПСС, эволюционировало от мрачного мессианского утопизма имперского толка через магические формы общественно-политической организации к «светлому», «мечтательному» утопизму Н.С. Хрущева и от него к деклассированным архаикой политическим марионеткам.

Предложенная здесь модель обладает определенным объяснительным потенциалом, поскольку она выявляется и в современных процессах социально-культурной динамики, позволяя проследить преемственные формы общественной институционализации.

Список литературы

1. См.: Афанасьев Ю. Н. Мы – не рабы? (Исторический бег на месте: «особый путь» России). / Ю. Н. Афанасьев. - Режим доступа : http://royallib.ru/read/afanasev_yuriy/mi_ne_rabi_istoricheskiy_beg_na_meste_osobiy_put_rossii.html#0 (дата обращения 21.06.2013).
2. Афанасьев Ю. Н. Мы все еще в национал-большевизме / Ю. Н. Афанасьев. - Режим доступа: http://www.echo.msk.ru/blog/yuriy_afanasiev/651289-echo/ (дата обращения: 4.10.2013).
3. Булдаков В. П. Историк и миф. Перверсии современного исторического воображения. / В. П. Булдаков // Вопросы философии. - 2013. - № 8. - С.56.
4. Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948-1954 годов : В 2 т. Т. 1. / И. А. Ильин. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/ilin_ivan_aleksandrovich/nashi_zadachi_tom_i/read/ (дата обращения 7.10.2013)
5. Кончаловский А.С. Недомолотая мука русской истории /А. С. Кончаловский // Российская газета. – 07 февраля, 2012.
6. Сурков В. Ю. Ответы Заместителя Председателя Правительства – Руководителя

Аппарата Правительства России Владислава Суркова на вопросы аудитории в Лондонской школе экономики и политических наук. 1 мая 2013. / В. Ю. Сурков. - Режим доступа : http://government.ru/vice_news/1712/ (дата обращения 4.08.2013).

7. Рыбальченко Т.Л. Введение элементов сказочной поэтики в структуру повествования о современности как форма критики народного сознания в русской прозе 1960-х гг. / Т.Л. Рыбальченко // Вестник Томского государственного университета. Филология. - 2009. - №2(6). - С. 78.

8. Шаламов В. Т. Собрание сочинений: В 4-х т. Т. 3. Стихотворения. / В.Т. Шаламов. – Режим доступа: http://www.booksite.ru/fulltext/sha/lam/ovv/ar/aam/shal_3/ (дата обращения 13.11.2013)

References

1.Sm.: Afanas'ev Ju. N. My – ne raby? (Istoricheskij beg na meste: «osobyj put'» Rossii). / Ju.

N. Afanas'ev. Rezhim dostupa : http://royallib.ru/read/afanasev_yuriy/mi_-_ne_rabi_istoricheskij_beg_na_meste_osobyj_put_rossii.html#0 (data obrashhenija 21.06.2013).

2.Afnas'ev Ju. N. My vse eshhe v nacional-bol'shevizme / Ju. N. Afanas'ev. Rezhim dostupa: http://www.echo.msk.ru/blog/yuriy_afanasev/651289-echo/ (data obrashhenija: 4.10.2013).

3.Buldakov V. P. Istorik i mif. Perversii sovremenogo istoricheskogo voobrazhenija. / V. P. Buldakov // Voprosy filosofii. 2013. № 8. S.56.

4.Ilin I. A. Nashi zadachi. Stat'i 1948-1954 godov : V 2 t. T. 1. / I. A. Il'in. – Rezhim dostupa: http://modernlib.ru/books/ilin_ivan_aleksandrovich/nashi_zadachi_tom_i/read/ (data obrashhenija 7.10.2013)

5.Konchalovskij A.S. Nedomolotaja muka russkoj istorii /A. S. Konchalovskij // Rossijskaja gazeta. – 07 fevralja, 2012.

6.Surkov V. Ju. Otveti Zamestitelja Predsedatelja Pravitel'stva – Rukovoditelja Apparata Pravitel'stva Rossii Vladislava Surkova na voprosy auditorii v Londonskoj shkole jekonomiki i politicheskikh nauk. 1 maja 2013. / V. Ju. Surkov. Rezhim dostupa : http://government.ru/vice_news/1712/ (data obrashhenija 4.08.2013).

7.Rybal'chenko T. L. Vvedenie jelementov skazochnoj pojetiki v strukturu povestvovaniya o sovremenosti kak forma kritiki narodnogo soznaniya v russkoj proze 1960-h gg. / T. L. Rybal'chenko // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2009. №2(6). S. 78.

8.Shalamov V. T. Sobranie sochinenij: V 4-h t. T. 3. Stihotvorenija. / V.T. Shalamov. – Rezhim dostupa: http://www.booksite.ru/fulltext/sha/lam/ovv/ar/aam/shal_3/ (data obrashhenija 13.11.2013)

ЯЗЫКОВАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНСТЕЛЛЯЦИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОСТИ «ЧУЖОГО» В «СВОЁ»

Приорова Ирина Валерьевна, доктор филологических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: irinapriorova@yandex.ru

Амирханян Анаит Михайловна, кандидат филологических наук, доцент

Армянский государственный педагогический университет им. Х.Абовяна,
0010, Армения, г. Ереван, Тигран Мец пр., 17
E-mail: amirknnp@yahoo.com.

Лебедева Ирэна Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: irenalebedeva@mail.ru